

КОНТРАСТИВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

ГРИГОРЬЯН Е. Л.

Южный федеральный университет

Та «картина мира», которую мы усматриваем в конкретном языке, во многом зависит от того, с каким другим языком он сопоставляется. Даже если исследование не является собственно контрастивным, языковая картина мира выстраивается на основании отличий, т. к. то, что совпадает, обычно не замечается. В неродном языке внимание привлекается к тому, что не совпадает с родным; обращение к материалу других языков, в свою очередь, позволяет увидеть некоторые особенности родного языка. Далее будет показано, как представления о русской языковой картине мира (из которых некоторые авторы выводят духовные особенности и исторические судьбы русского народа), фактически определяются тем языком-эталоном, который берется за основу при сопоставлении, целенаправленном или имплицитном.

Основная масса работ, посвященных языковой картине мира, базируется на лексическом материале, и это объяснимо: грамматика в меньшей степени семантизирована, грамматическая семантика несамостоятельна, является сопутствующей, а во многих случаях трудноопределима или вообще выветрилась; с последним положением, возможно, согласились бы не все когнитивисты, однако нам представляется более убедительной позиция Э. Сепира: форма живет в языке дольше, чем её концептуальное содержание [6, с. 99]. Представляется исключительно пронизательным и наблюдением Ш. Балли, что для носителей языка в повседневной речи употребление тех или иных форм определяется уже сложившимся обиходом, т. е. языковые конструкции используются бессознательно, не как средство выражения или подчеркивания каких-либо смыслов, а как стереотипы, за которыми уже не осознается определенное мировидение, осмысление обозначаемой реальности. Эти смыслы становятся актуальными преимущественно в авторских употреблениях и особенно в инновациях [7, с. 10]. Но с другой стороны, грамматика всеохватна и пронизывает всю систему, грамматический репертуар языка в принципе обозрим, тогда как лексические подсистемы – и тем более лексические единицы – по сути локальны. В этой связи грамматика представляется более показательной, чем лексика, для выявления языковой картины мира.

Далее будет рассматриваться именно синтаксическая семантика.

Выявление собственно синтаксической семантики представляет собой непростую задачу. Во-первых, поскольку любая синтаксическая структура воплощается каждый раз в каком-то определенном лексическом материале и ни в каком ином виде не существует, оказывается проблематичным отделить собственную семантику структуры от её лексического заполнения и от наших знаний о мире. Во-вторых, большинство синтаксических конструкций могут использоваться для выражения различных смыслов, и структуры,

противопоставляемые в одних контекстах, могут не нести никаких семантических различий в других, различаясь лишь на уровне прагматики [4].

Следует также заметить, что в плане корреляции структуры и семантики языковой материал явно неоднороден. Традиционно для некоторых типов конструкций, в частности неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных, указываются значения (для последнего случая список значений, не совпадающий у разных авторов); в то же время для самых распространенных личных структур такой перечень не дается, и едва ли он возможен. Актантная структура, за исключением фразеологизированных конструкций (фразеосхем), как правило, малоинформативна. Чем более употребительна и нейтральна конструкция, тем меньше она имплицитно несет какую-либо семантику. Это, в частности, наглядно прослеживается на примере конструкции “одушевленное подлежащее + глагол в форме действительного залога” – контекстно независимой, стилистически немаркированной и совместимой с предельно широким кругом обозначаемых ситуаций, который в принципе невозможно очертить. В русском языке, как и во многих других, такая конструкция типична для ситуаций действия, но может обозначать и другие процессы и явления, в том числе результат воздействия извне, состояние, возникшее в результате действия или вызванное другими причинами, а также восприятие, отношение, положение в пространстве и т. д.; причем то или иное прочтение далеко не всегда однозначно определяется глаголом: многие глаголы могут называть как действия, так и другие типы ситуаций (так, например, глагол *плавать* может быть как обозначением действия, так и просто нахождения на поверхности воды – значение, сходное с англ. *float*; или глагол *пугать* может значить ‘предпринимать действия с целью вызвать страх’ или же просто ‘внушать страх’, т. е. может и не подразумевать никаких действий: таким образом, предложения типа *Он меня пугает* вне контекста неоднозначны). Тем не менее, как это будет видно далее, в сопоставительных исследованиях и такие немаркированные конструкции могут интерпретироваться как связанные с выражением значимых смыслов, как особо показательная черта языковой картины мира.

В этой связи интересно, что из необозримого языкового материала реально, т. е. не на практике, выбирается в качестве доминанты, специфической черты, характеризующей язык в целом.

Например, русские безличные предложения стали общим местом в рассуждениях о русской языковой картине мира; трактовка русских безличных предложений, выдвинутая А. Вежбицкой ещё в 80-е годы [8], сей час является едва ли не общепринятой, и многие авторы апеллируют к ней как к безусловно доказанной, если не самоочевидной. Внимание А. Вежбицкой привлекают в первую очередь специфически русские (точнее, специфически восточнославянские) безличные предложения с дополнением в творительном падеже типа *Его убило молнией*, *Его переехло трамваем*. Эти конструкции примечательны тем, что, хотя причина события названа (в данном случае молния или трамвай), она выражена формой творительного падежа, т. е. осмыслена (с точки зрения А. Вежбицкой и некоторых её предшественников) как орудие неназванной стихийной силы, загадочной,

непознаваемой и неподвластной человеку. Особую популярность получило высказывание Вежбицкой, обобщающее анализ русских безличных предложений: “Язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими” [2, с. 76].

В этом же контексте, анализируя русские предложения типа *Ему это удалось / не удалось* (во многих отношениях близкие к безличным) в противоположность английским *He succeeded / He failed*, где аналогичное значение выражено стандартной личной конструкцией, в которой субъект действия имеет форму подлежащего, А. Вежбицкая утверждает, что английская конструкция “перелагает часть ответственности за успех или неуспех некоторого предприятия на лицо, которое его затевает, в то время как русская дативная конструкция... полностью освобождает действующее лицо от какой бы то ни было ответственности за конечный результат (какие бы вещи с нами ни происходили, хорошие или плохие, они не являются результатом наших действий)” [2, с. 72]. Заметим в скобках, что в таком анализе, во-первых, не учитывается возможность соответствующей русской конструкции *Он в этом преуспел / не преуспел*, пусть менее употребительной, но совершенно естественной; во-вторых, не всё полностью определяется конструкцией и само значение глагола *удалось*, на наш взгляд, недооценено: оно всё же предполагает какие-то усилия или даже уловки в достижении цели; вопрос “как тебе это удалось?” предполагает ответ, какие шаги человек предпринял, а не только какие обстоятельства способствовали успеху. Уточнения А. Вежбицкой типа “часть ответственности” или “полностью” (выделенные нами в тексте приведенной цитаты), надо заметить, весьма зыбки: не нарушая никакой логики, их можно спокойно поменять местами. В той же работе иррациональность расценивается как одна из определяющих черт русского мировосприятия и прослеживается также в других, не связанных с безличностью проявлениях.

Между тем надо ли говорить, что в русском языке есть не только безличные, но и личные конструкции, которые существенно употребительнее безличных и преобладают в любом тексте. Но безличные структуры привлекли внимание исследователей именно потому, что личные конструкции присутствуют во всех европейских языках (и во многих других), а безличные контрастируют с тем, что мы встречаем в английском (с которым в работах той же А. Вежбицкой русский язык постоянно сравнивается). Ситуация такова, что английский язык – во многом вследствие своего статуса в современном мире – фактически стал использоваться, сознательно или бессознательно, в качестве языка-эталона, а часто как и метаязык в лингвистических текстах – аналогично тому, как на протяжении веков ту же функцию выполняла латынь. Если бы при рассмотрении русских безличных предложений языком-эталонном послужил, например, немецкий, контраст вовсе не оказался бы столь разительным. В немецком языке представлены все те же типы безличных конструкций, что и в русском, за исключением конструкции с агентивным

дополнением (типа *Лодку унесло ветром*), и при этом широко распространен безличный причастный пассив, маргинальный для системы русского литературного языка (но представленный в северных русских говорах и в украинском языке). В современном французском языке ситуация также неоднозначна, см. [1, с. 795].

Примечателен и другой момент – наличие в английском языке достаточно многочисленных деагентивных конструкций: возможность изображения действий человека как независимых от него событий (и даже приписывании человеческих, в том числе собственных, действий иным причинам), не является исключительной особенностью русского языка, а представляет собой, по всей видимости, общее свойство деагентивных конструкций. Хотя не исключено, что в других языках и нет полной параллели русским безличным конструкциям с агентивным дополнением, из которых исходит А. Вежбицкая, тем не менее во многих языках мира существует целый спектр синтаксических способов возможно, универсальных, для обозначения неконтролируемых положений дел, ср. русско-английско-французские параллели в [5]. Кстати, в английском языке есть и безличные конструкции, вполне подобные русским, ср. *So it befell that he returned to Hawaii by the first steamer, and as soon as it could be managed he was wedded to Kokua, and carried her up the mountainside to the Bright House* (R. L. Stevenson); *Outside it blew high, and great trees of the avenue cried out aloud, and the fallen leaves rattled in the verandah* (там же).

Однако, что касается данных примеров, совершенно естественно, что они никем (по-видимому) не воспринимаются как характерная черта английского синтаксиса: они малоупотребительны, во всяком случае на фоне русского языка; также существенно, что текст, из которого они взяты, стилизован (это своего рода притча) и к тому же относится к специфическому культурному региону. Вместе с тем думается, что выбор именно личных (подлежащих) конструкций в качестве показательных для английского языка и английской (“англосаксонской”, по Вежбицкой) картины мира не случаен и скорее всего подсказан контрастом с русским языковым материалом; так же не случайно, что наличие в английском языке различных деагентивных конструкций, кстати, как и других синтаксических способов выражения неконтролируемости, вообще не принимается во внимание.

Если же исходить из сопоставления русского синтаксиса с языками иных типов, то совсем другие его аспекты могут выступать как содержательные и, соответственно, показательные для картины мира. Сопоставительное исследование этого рода, хотя и находящееся в начальной стадии, было, в частности, представлено доцентом Петербургского университета К. Ватанабе на XLI Международной филологической конференции в СПбГУ (в марте 2012 г.) в докладе с ярким названием “Позиция Бога и позиция насекомого: характеристика инфинитивных предложений в типологическом ракурсе”. использовал образ, заимствованный у другого автора: “Бог смотрит свысока, а насекомое изнутри”, – и в этом ключе противопоставил зрения японский синтаксис (“позиция насекомого”) европейскому синтаксису с его стремлением к объективности, которое докладчик связал с влиянием античной логики и общим характером европейской культуры. Вместе с тем он сблизил

с японским типом русские инфинитивные предложения – без подлежащего и без указания времени. Было также отмечено, что в европейских языках акцентируется причина – исходный пункт действия, поэтому так важно подлежащее; с позиции же японского синтаксиса (в интерпретации К. Ватанабе) “в ходе естественного хода вещей появился каждый феномен”. Принято считать, что в японском языке, где типичны бесподлежащие предложения, а употребление местоимения 1 лица не приветствуется, категория лица нивелируется. (Надо заметить, что такой взгляд на личные конструкции не уникален: на той же конференции в докладе, посвященном проблемам синтаксиса, профессор СПбГУ М. В. Зеликов говорил – причем с возмущением – о “европейско-семитском выпирании субъекта”, сопоставляя европейские языки, в частности, с баскским).

Таким образом, если подходить к русскому синтаксису отталкиваясь от языков, для которых подлежащие конструкции менее характерны, то в этом случае как раз в личных конструкциях можно будет усмотреть что-то специфическое для “русской картины мира”.

Это опять же подтверждает наш тезис о зависимости интерпретации языкового материала и даже самого выбора исследуемых языковых черт (нередко оцениваемых в мировоззренческом плане) от того, с каким языком данный язык сопоставляется, какой язык выступает в качестве эталона для сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Нина Давидовна Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Вежбицкая А. Русский язык / Анна Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Григорьян Е. Л. Безличные предложения и “русский менталитет” / Е. Г. Григорьян // Вопросы филологии. – 2008. – № 2 (29). – С. 11–19.
4. Григорьян Е. Л. О характере синтаксической полисемии / Е. Л. Григорьян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : [по материалам международной конференции “Диалог 2009”]. – М. : РГГУ, 2009. – Вып. 8 (15). – С. 75–79.
5. Григорьян Е. Л. Русский синтаксис на фоне английского и французского / Е. Л. Григорьян // I Congreso Internacional de Rusística “Lengua, Visión del Mundo y Texto”. – Granada : Sección Departamental de Filología Eslava, Universidad de Granada, 2011. – P. 818–823.
6. Сепир Э. Язык / Эдвард Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс – Универс, 1993. – 656 с.
7. Bally Ch. Impressionisme et grammaire / Charles Bally. – Genève : Sonor, 1920. – 20 p.
8. Wierzbicka A. Ethno-syntax and the philosophy of grammar / A. Wierzbicka // Studies in language. – 1979. – V. 3. – № 3. – P. 323–375.